

МУСА ДЖАЛИЛЬ

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК ЗАЛИЛОВ В РЕДАКЦИИ АРМЕЙСКОЙ ГАЗЕТЫ

Предисловие и публикация Л. Шилова

О Мусе Джалиле — татарском поэте-патриоте, Герое Советского Союза, лауреате Ленинской премии, написаны поэмы, пьесы, повести, научные монографии, сотни статей. Десятки людей приняли участие в поисках стихов Джалиля и материалов о его жизни и творчестве. Естественно, что в первую очередь внимание поэтов и исследователей привлекают стихи знаменитой «Моабитской тетради» Джалиля и его героическая деятельность в фашистском плену. Детально изучена и биография поэта до 1941 г. Менее исследованным оставался период пребывания М. Джалиля в армии¹. Этим несколькими месяцам жизни поэта и журналиста армейской газеты посвящается настоящая публикация.

В июне 1941 г. в Казани, в Татарском государственном театре оперы и балета готовилась премьера оперы, написанной композитором Н. Жигановым на текст драматической поэмы Джалиля «Алтын чәч». Поэт завершал работу над либретто оперы «Йльдар» и был полон новых творческих планов.

«Джалиль очень много работал в это время, — рассказала нам жена поэта Амина Джалилова. — Я с трудом уговорила его поехать на воскресенье за город. На вокзале, уже сидя в пригородном поезде, мы услышали о начале войны. В мобилизационном листке Джалиля значилось: „Явиться в райвоенкомат в первый день объявления мобилизации“. 23 июня рано утром Джалиль пошел в военкомат. Ему сказали: „Ждите повестку“².

В одном из официальных документов³ указывается, что 13 июля 1941 г. М. Джалиль был призван в ряды РККА.

Вначале он служит ездовым в одной из артиллерийских частей недалеко от Казани, но вскоре его направляют на краткосрочные курсы политработников в Марьино, Курской области. С приближением фронта курсы переводят в г. Щигры, потом в Татарию, в г. Мензелинск.

В декабре 1941 г. Джалиль оканчивает курсы, получает звание старшего политрука и отправляется в распоряжение ГлавПУРККА в Москву. Здесь он находится в резерве политработников, размещенном в здании Военно-политического училища им. Ленина. Сюда направлялись и кадровые офицеры, выписавшиеся из госпиталя, и только что окончившие курсы.

Джалиль усердно изучает тактику, часами разбирает трофейное пехотное оружие, а все свободное от занятий время посвящает стихам. Джалиль хочет успеть до отправки на фронт подготовить к печати новый сборник.

11 января 1942 г. Управление кадров ГлавПУРККА назначает Джалиля в редакцию газеты 1 ударной армии. Но на следующий день этот приказ отменяется, ибо, как писал полковой комиссар А. Я. Боев начальнику ГлавПУРККА Л. З. Мехлису, «в беседе<...> выяснилось, что Залилов может писать стихи, очерки и рассказы

только на татарском языке»⁴. Джалиль пытается добиться направления в национальные части.

Живейшее участие в судьбе поэта принимал А. Фадеев. Еще осенью 1941 г. он писал В. Ставскому в редакцию «Правды», что Мусу Джалиля как одного из «известных и талантливых татарских поэтов» «в интересах дела обороны было бы более правильным и целесообразным использовать <...> в качестве работника фронтовой печати».

По-видимому, по рекомендации Фадеева фамилия Джалиля была внесена в «список писателей народов СССР, которые могут быть рекомендованы в качестве военных корреспондентов от местных республиканских газет»⁵. В январе 1942 г. М. Джалиль пишет Фадееву два письма, в которых рассказывает о своем положении и просит содействовать тому, чтобы его направили на фронт как журналиста в национальные воинские части. На втором письме сохранилась надпись, сделанная карандашом в левом верхнем углу: «Вызвать т. Залилова на 6.11 к 1 час. А. Ф.». Справа, на этом же листе, по-видимому, рукой секретаря, написано: «Т. Залилов был у т. Фадеева. Дело передано в военную комиссию». О содержании разговора с Фадеевым Джалиль сообщал жене 26 февраля: «Фадеев <...> меня рекомендовал использовать специальным военным корреспондентом „Кзыл Татарстан“ в армии. Если и обком и сама газета присоединят свой голос к рекомендации Фадеева <...>, напишут в ПУРКА, то это может осуществиться»⁶.

С нетерпением ожидает Джалиль этого назначения. Он пишет: «Откровенно говоря, надоело здесь околачиваться в неопределенном положении, не зная куда отправят. <...> После того, как я заявил, что на русском языке я поэтом работать не могу, меня из отдела печати перевели в другой отдел — отдел политработников. Пока никакого назначения нет. А мне хотелось скорее поехать. Я предчувствую, что в один прекрасный день меня отправят безо всякого назначения, присоединив к какой-нибудь команде»⁷.

В конце февраля случилось то, что и предполагал Джалиль. Несмотря на то, что его имя уже было внесено в список, составленный Союзом писателей для ГлавПУРКА, он был отправлен с очередной группой политработников на Волховский фронт.

Город Малая Вишера, куда сначала попадает Джалиль, был сильно разрушен. Целых домов оставалось очень мало. «По пути к городу взамен домов стоят одни трубы», — писал в это время в письме домой один из сослуживцев поэта⁸.

Находясь в течение всего марта 1942 г. в распоряжении политуправления штаба 2 ударной армии, Джалиль выполняет ряд поручений, часто бывает на передовой. 25 марта он пишет своему давнему другу, литературоведу Г. Кашшафу: «Вот на днях только вернулся из десятидневной командировки по частям нашего фронта на передовых линиях, где выполнял особое задание. Поездка была трудная, опасная, но очень интересная. Был все время под обстрелом. Три ночи почти подряд не спал, питался на ходу. Но видел многое»⁹.

С 5 апреля 1942 г. Джалиль — штатный сотрудник газеты 2 ударной армии «Отвага». Он пришел в редакцию на место погибшего 26 февраля молодого поэта Вс. Багрицкого.

Редакция в это время располагалась в деревне Огорелье, Новгородского района, только недавно освобожденной от врага. От деревни при отступлении немцев уцелело лишь несколько изб. В день приезда Джалиля жителями деревни был составлен акт о грабежах и бесчинствах, учиненных гитлеровцами¹⁰.

9 апреля «Отвага» отводит целую полосу материалам о зверствах гитлеровцев в освобожденных Советской Армией районах: «Трагедия жителей деревни Червинская Лука». Джалиль принимает участие в сборе этого материала, и может быть именно тогда у него зародился замысел стихотворения «Варварство», известного нам по «Моабитской тетради».

В середине апреля редакция перебралась на опушку леса, в километре от деревни. 19 апреля наборщик И. Голубев писал домой: «С наступлением весенних теплых дней

МУСА ДЖАЛИЛЬ
(М. М. ЗАЛИЛОВ)

Фотография. Декабрь 1941 г.
Литературный музей, Москва

из землянок мы выбрались и работаем в палатке, в лесу и, что особенно хорошо, так то, что почевать ходим в уцелевшую деревню Огорелье, правда, идти очень мокро и грязно, ну да ничего».

Джалиль попал в палатку, где жили сотрудники газеты — кандидат филологических наук, лингвист Л. Перльмуттер, кандидат философских наук Б. Бархаш, журналисты Н. Родионов и А. Кузмичев, — и быстро стал своим в этом дружном коллективе.

Джалиль все время ходил по подразделениям. Часто эти отлучки длились по нескольку дней. По свидетельству В. А. Кузнецова, бывшего ответственного секретаря редакции газеты «Отвага», первым заданием, которое получил Джалиль, был обзор писем, присланных ранеными бойцами.

Джалиль не ограничился простой выборкой наиболее интересных писем. Он побывал на передовой, беседовал с комиссаром, бойцами и в обзоре «Переписка с ранеными бойцами» рассказал о том, как боевыми делами откликаются бойцы на письма раненых друзей, сообщил, что «иногда в письмах раненые бойцы обращаются к своему комиссару с теми или иными просьбами. Командование части быстро удовлетворяет все просьбы. Так, по просьбе одного бойца комиссар принял на себя заботу о его семье, связавшись по этому вопросу с райкомом партии»¹¹.

Корреспонденции Джалиля были содержательны, написаны со знанием военного дела, боевой техники. Проведя несколько дней на огневой позиции минометного расчета сержанта Ибрагимова, Джалиль пишет статью «Кочующий миномет». В том же разделе «Мастера своего дела» был помещен и очерк «Командир пулеметчиков-зенитчиков». По-деловому, кратко, сухим, но точным языком пишет Джалиль прежде всего о самом главном в данный момент — о повышении боевого мастерства.

Товарищи по редакции вспоминают, как Джалиль пропал куда-то на неделю а вернувшись, привез очень важный и интересный материал, полученный им в труднейших боевых условиях. Об этом говорилось даже на одном из партсобраний редакции¹².

Из Джалиля получился неплохой боевой корреспондент. Но все-таки он оставался прежде всего поэтом. Даже в этих условиях, отдавая все силы выполнению обязанностей военкора, Джалиль пишет стихи. Во фронтовой обстановке не было возможности переводить стихи на русский язык, да и некому. Поэтому все законченные произведения он отправляет в Казань. Писать стихи по-русски ему было очень трудно. Еще месяца два назад он считал, что это вообще невозможно. Но газете требовались стихи, да и сам темперамент поэта не мог мириться с вынужденным молчанием. Ведь то, что он отправлял в Казань, появится в печати только через несколько месяцев, к тому же в тылу. А стихи нужны здесь и сейчас. И Джалиль пробует писать по-русски.

Единственное из известных нам стихотворений Джалиля, написанное на русском языке, называется «Весенние резервы Гитлера»¹³. Эта тема была очень важна. Гитлер готовил «генеральное весеннее наступление». Объясняя поражение, которое потерпела немецкая армия зимой 1941/42 г., «свирепостью русской зимы», гитлеровская пропаганда предсказывала полный разгром Советского Союза летом 1942 г. На Восточный фронт направлялись всё новые дивизии. Разъяснить, что причина поражения гитлеровцев кроется вовсе не в климатических условиях, сообщить о том, что уже сейчас немцы вынуждены вводить в бой резервы, предназначавшиеся для «генерального» наступления, — было важнейшей задачей политработников Советской Армии. «Отвага» посвящает этой теме ряд материалов (например, 15 апреля передовую «Крепче удары по врагу», 24 апреля статью Б. Бархаша «Весенние солдаты Гитлера»). На эту актуальную тему пишет и Джалиль.

Естественно, что в художественном отношении стихотворение «Весенние резервы Гитлера» уступает стихам Джалиля, написанным на родном языке, но тем не менее представляет для нас несомненный интерес как еще одно свидетельство стремления поэта принимать активное участие в борьбе против фашистских захватчиков своим оружием — словом.

Фронтовая обстановка дает Джалилю богатейший материал для литературных произведений, но у него оказывается очень мало возможностей этот материал использовать. В письме к Кашшафу Джалиль рассказывает: «Я в моей теперешней обстановке братья за большие, крупные, капитальные вещи (поэмы, повести, пьесы) не имею возможности. Я — литературный сотрудник, военкор, в неделю пять дней бываю на передовой позиции, собираю материал, а два дня в редакции обрабатываю материалы. В день я прохожу по 25—30 километров по передовым частям и подразделениям. Только на передовой линии можно видеть нужных героев, черпать материалы <...> Поэтому я часто бываю не только свидетелем, но и участником кровопролитных боев с захватчиками»¹⁴.

21 апреля «Отвага» рассказала о действиях партизан «товарища Т.», взорвавших мост, имеющий важное значение. Вероятно, об этом самом «товарище Т.» вспоминает Джалиль в стихотворении «Лес», написанном позже, уже в плену.

Положение на фронте складывается все более неблагоприятно. Идут жестокие бои на флангах — немцы стремятся завершить окружение 2 ударной армии. Ниточка Мясного бора — местности, через которую поддерживается связь с Большой землей — становится все уже. Этот участок жестоко обстреливается и бомбится противником. Подвоз продовольствия, и раньше недостаточный, прекращается вовсе.

11 мая из редакции на курсы в Иваново уходят четверо корреспондентов и литературных сотрудников. Еще раньше уехал заболевший Е. В. Вучетич, тогда художник газеты «Отвага». Оставшимся прибавляется работы. Джалиль берется за любую тему, материал всегда сдает в срок.

18 мая, по приказу о сокращении штата армейских газет, уезжает сотрудница редакции А. Обыдена. Джалиль провожает ее до насыпи узкоколейки, по которой ей предстоит километров 40 идти через болота, по насквозь простреливаемой врагом мест-

ности. На прощанье он дает ей письмо к Фадееву, просит, если она благополучно доберется до Москвы, передать его в Союз писателей¹⁵.

В последних числах мая, после непродолжительного затишья, снова разгорелись бои. Об этом ясно свидетельствуют материалы, печатавшиеся в «Отваге». Вот заголовки статей и корреспонденций одного из очередных номеров: «Вражеская атака захлебнулась», «До последней капли крови», «Бой под деревней Ф.», «Собрание пришлось отложить», «Прикладом по черепу врага».

Запас газетной бумаги в редакции подходил к концу, а надеяться на подвоз в создавшихся условиях не приходилось. С 29 мая газета переходит с четырех полос на две.

3 июня Джалиль пишет последнее из дошедших до нас писем:

«Друг Кашшаф!

Сегодня получил письмо, написанное 22 мая. Спешу хоть кратенько ответить. Уже смеркается. Здесь, в лесу, жизнь ночью прекращается, начинается таинственная военная жизнь.

<...> Редактор обещал по возможности помочь моей работе, обещал отпустить, когда мне будет нужно. Мы с ним говорили о том, куда лучше будет направиться мне в первую очередь, когда военный поход продолжится (сейчас мы в особом положении). Договорились о том, что как только достигнем определенного пункта, я на самолете полечу в авиаполк. В этом авиаполку служит дважды орденосный герой — штурман, капитан Гали Бурган. Он сделал 118 боевых вылетов, трижды бомбил Берлин. Я знаком с ним заочно. Знаю его военный героизм. Но самого еще не видел. От нас он находится далеко. У нашего народа еще есть богатыри-джигиты¹⁶.

Вчитываясь в «Отвагу» тех дней, яснее представляешь себе «особое положение», о котором пишет Джалиль. Не считаясь с огромными потерями, немцы продолжали наступление. Вот о чем писала «Отвага» в июне 1942 г.:

«В последние дни продолжались ожесточенные бои наших частей с противником, прущим на рожон»... «Сквозь вражеское кольцо»... «Группа военных врачей исследовала вопрос о некоторых болезненных изменениях в организме человека в связи с длительным употреблением талой воды»... «Отбросили гитлеровцев на полтора километра»... «Танки не прошли»... «Витамина „С“ в иглах хвои в два раза больше, чем в лимонном или апельсиновом соке. Вот почему использование хвои в качестве витаминносителя весьма важно».

Линия фронта непрерывно менялась. Собственно, в прямом смысле слова линии фронта на этом участке уже не было: бои шли на глубине огромного пространства болот, озер, лесов. В бой были брошены все резервы. 17 июня, в своей последней корреспонденции «Повар — сверхметкий стрелок», Джалиль рассказывает о поваре артдивизиона Федоте Савенко, сражавшемся в цепи и, несмотря на ранение, поражавшем врага снайперскими выстрелами.

Положение армии становилось катастрофическим, но газета еще продолжала выходить регулярно. Когда кончился бензин (в последнее время для печатания газеты было приспособлено колесо автомашины), печатали вручную.

В воскресенье 21 июня «Отвага» вышла последний раз. Вышла на четырех полосах, как в прежние времена.

Номер рассказывал о геройской гибели пятерых бойцов во главе с младшим политруком Коденцевым — окруженные ротой автоматчиков, они дрались до последнего патрона; о пяти атаках противника, отбитых подразделением связи капитана Воронцова; о том, как с боями вырвалось из окружения подразделение старшего лейтенанта Когоряцкого...

Но связи с частями уже не было. Дальнейший выпуск газеты не имел смысла. Бой шел кругом. 22 июня работники редакции двинулись по направлению к Малой Вишере. Из 24 человек, составлявших к этому времени штат редакции (включая шоферов и двух бойцов охраны), из окружения вышло только трое.

22 июня Джалиля не было в редакции. В этот день он находился в одной из боевых частей. В последних числах июня он попал в плен.

Но и там Джалиль продолжал борьбу. В тяжелых условиях гитлеровского плена он создал подпольную антифашистскую организацию. В августе 1943 г. она была раскрыта. Варшавская тюрьма, Моабит, Шпандау — вот отдельные вехи последнего пути Джалиля. Он был казнен 25 августа 1944 г.

Стихи, написанные Джалилем в тюрьмах, вернулись в 1946 г. на родину. Из них мы и узнали о подвиге, совершенном поэтом-патриотом.

Настоящая публикация охватывает лишь небольшой период жизни М. Джалиля военных лет, предшествующий плену, — период, связанный с его работой в редакции армейской газеты. В первом разделе публикации — два письма Джалиля Фадееву, написанные в январе 1942 г. в Москве, и автобиографическая справка, приложенная к одному из писем; далее следуют стихотворение и корреспонденции Джалиля в газете «Отвага» за апрель — июнь 1942 г.; в заключительном разделе приводятся сделанные нами в 1957—1964 гг. записи бесед с товарищами поэта по армии и их письма к автору публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Л. Ш и л о в. Год жизни Мусы Джалиля. — «Огонек», 1960, № 21; А. З а л я л о в. К биографии Мусы Джалиля. — «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 120; Р. Б и к м у х а м е т о в. Муса Джалиль. Критико-биографический очерк, М., Гослитиздат, 1962, стр. 167—176; С. А н т о н о в. Счастье. — Сб. «В редакцию не вернулся». М., Изд-во политической литературы, 1964, стр. 375—386.

² Запись беседы с Аминой Джалиловой (Ниней Константиновной Сайфуллиной) хранится у автора публикации.

³ Запрос Военной комиссии Президиума СП СССР в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава Действующей армии Народного комиссариата обороны. З.ХІ.1942 г. (ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 616).

⁴ А. З а л я л о в. К биографии Мусы Джалиля. — «Исторический архив», 1961, № 5, стр. 130.

⁵ ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 567. Там же (л. 74) хранится подписанная А. Фадеевым характеристика Джалиля (без даты), выданная для представления в Политуправление РККА:

«Тов. Залилов Муса Мустафович — талантливый татарский поэт, ряд произведений которого переведен на русский язык.

Состоя членом Союза советских писателей СССР, тов. Залилов проявил себя как активный общественный работник, оказывая всемерную помощь молодым национальным писательским кадрам.

Дисциплинированный член ВКП(б).

⁶ М. Д ж а л и л ь. Сочинения. Казань, Таткнигоиздат, 1962, стр. 492.

⁷ Там же, стр. 487—488.

⁸ Письмо И. И. Голубева от 20 января 1942 г. Хранится у Голубева.

⁹ М. Д ж а л и л ь. Сочинения, 1962, стр. 498.

¹⁰ «Отвага», 1942, № 427, 12 апреля.

¹¹ «Отвага», 1942, № 434, 19 апреля. Кроме того, в «Отваге» были напечатаны следующие корреспонденции М. Джалиля: «В засаде» (№ 442, 28 апреля), «Автоматчик Поляков» (№ 453, 9 мая), «Кочующий миномет» (№ 453, 9 мая), «Командир пулеметчиков-зенитчиков» (№ 454, 10 мая), «Художественный ансамбль связистов» (№ 461, 17 мая), «Хирурги одного медсанбата» (№ 476, 13 июня), «Повар — сверхметкий стрелок» (№ 480, 17 июня).

¹² Запись беседы с И. И. Голубевым. Хранится у автора публикации.

¹³ «Отвага», 1942, № 434, 19 апреля. Поскольку не все номера газеты «Отвага» удалось разыскать, возникает вопрос, не были ли напечатаны в ненайденных номерах и другие стихи Джалиля, написанные на русском языке. Может быть, Джалилю принадлежат стихи без подписи, опубликованные в «Отваге» 9 и 16 мая? Позже Джалиль говорил одному из товарищей по плену о балладе «Соловей и родник», что она была написана по-русски еще в редакции «Отваги» (см. Г. К а ш ш а ф, Р. М у с т а ф и н. Ищем песни Мусы Джалиля. — «Литературная Россия», 1963, № 17, 26 апреля).

¹⁴ М. Д ж а л и л ь. Сочинения, 1962, стр. 503.

¹⁵ По свидетельству С. Н. Преображенского, Фадеев как-то говорил об этом письме, но найти его не удалось.

¹⁶ М. Д ж а л и л ь. Сочинения, 1962, стр. 505.

ПИСЬМА А. А. ФАДЕЕВУ

1

<20 января 1942 г.>

Глубокоуважаемый тов. Фадеев!

Это письмо вам пишет татарский писатель — бывший руководитель правления Союза советских писателей Татарии — Залилов М. М. (Муса Джалиль). Я с первых дней начала войны был мобилизован в ряды Красной Армии, после чего в течение последних шести месяцев я проходил большую школу военной службы в условиях Отечественной войны. Вначале был рядовым в артиллерии, потом в Марьино (Курская область) проходил краткосрочные курсы среднего политсостава. В виду того, что немцы вынудили нашу армию отступать и заняли Колонтаевку, Курск, Шигры, Орел, где мы были, нам пришлось принимать кое-какое участие в обороне (в войне). Потом мы эвакуировались в Мензелинск, где я окончил курсы с отличными показателями и по приказу НКЮ получил военное звание старшего политрука. По окончании курсов Главполитуправление вызвало меня в свое распоряжение — в Москву. Я сейчас нахожусь в Москве в распоряжении ПУРККА и жду нового назначения и посылки в Действующую армию. И вот я, пользуясь пребыванием в Москве, хотел с вами посоветоваться о своей дальнейшей работе в Действующей армии.

Мне в ПУРККА предлагали назначение на должность писателя в армейской газете одной из действующих армий. Но я счел нужным предупредить, что я татарский писатель и писать стихи, рассказы на русском языке, пожалуй, не смогу. После этого было решено меня не посылать на должность писателя. Но я знаю, что в Уфе формируются татаро-башкирские национальные части; в Узбекистане уже формировались узбекские национальные части и т. д. Я мог бы быть очень полезным как писатель и журналист в этих национальных частях. Ибо я, кроме своего родного языка, свободно владею башкирским, казахским, узбекским и другими восточными языками. Я, кроме своей писательско-творческой деятельности, имею большой опыт журналистской работы: был ответственным редактором центрального литературно-художественного журнала в течение шести лет в Москве; работал заведующим отделом в центральной татарской газете. Неоднократно организовывал и редактировал выездные газеты в уборочных, посевных кампаниях.

Во всяком случае в армии я и как поэт и как журналист могу быть очень полезным. А формируемые национальные воинские части, думаю, нуждаются в писательских кадрах, имеющих специальную военную подготовку.

В крайнем случае, очень желательно было бы иметь какую-либо более значительную политработу в любой действующей армии и флоте, которая давала бы возможность совместить литературно-творческую работу и накопить интересный материал из Отечественной войны в более крупном масштабе для литературного воплощения (для создания крупных полотен об истории части, о крупных военных действиях, эпизодах и т. д.).

В общем, я обо всем этом хотел с вами посоветоваться и получить от вас кое-какую рекомендацию. Но, видимо, мне не удастся вас видеть. Поэтому излагаю свои желания письменно.

Я чувствую, что ПУР надолго затянет мое дело. Здесь не знают, как меня использовать. Чувствуется необходимость вашей рекомендации и характеристики. Поэтому очень прошу вас, по получении этого письма, позвонить в Политуправление и дать соответствующую характеристику и рекомендацию обо мне.

Я не из последних писателей Татарии. Пишу и печатаюсь с 1919 г. Член ССП с 1934 г. Член ВКП(б) с 1929 г. (год рождения 1906 г.). Был на

ответственных постах партийно-комсомольской работы (работал в ЦК ВЛКСМ). Звание — старший политрук.

В ПУРе моим делом непосредственно занимается батальонный комиссар Дедюхин. А вообще мои дела в руках армейского комиссара 2 ранга тов. Кузнецова.

Я надеюсь, что вы, тов. Фадеев, мое письмо не оставите без внимания. Зная по опыту моей работы в Правлении ССП Татарии, где я и вообще в своей писательской практике пользовался вашим исключительным вниманием, заботой и чуткостью, и сейчас думаю, что вы примете живое участие в этом деле. Хочется принести возможно большую пользу делу обороны, находясь в рядах армии.

С приветом и глубоким уважением
ваш, Муса Джалиль (Залилов)

Р. С. Находясь в прифронтовой полосе в рядах армии, я не прекратил свою творческую работу: написал около 20 патриотических стихов на злободневную тему. Татиздат выпускает их отдельным изданием¹. Если вы поддержите и окажете содействие, я хотел бы выпустить их в русском переводе в Гослитиздате небольшой книгой.

Прошу вашего содействия.

С приветом
М у с а

20.1.42

К письму приложена автобиографическая справка:

ЗАЛИЛОВ (ДЖАЛИЛЬ) МУСА МУСТАФОВИЧ

Татарский писатель (поэт и драматург), член ССП с 1934 г.; 1906 года рождения, член ВКП(б) с 1929 г. Военное звание — старший политрук.

Пишет и печатается с 1919 г. (первые стихи печатались в фронтовой красноармейской газете «Кзыл йолдыз» в Чкалове в 1919 г.). Имеет 14 самостоятельных печатных литературных трудов (книг). Считается одним из передовых национальных писателей Татарии.

С 1939 по 1941 г. работал ответственным секретарем Правления ССП Татарии.

Имеет опыт редакторско-журналистской работы: с 1927 по 1933 г. работал ответственным редактором литературно-художественного журнала на татарском языке в Москве («Октябрь баласы»), с 1933 по 1935 г. заведующий отделом литературы и искусства центральной татарской газеты «Коммунист» в Москве. В этот период был редактором ряда выездных газет в уборочно-посевных кампаниях.

Работа по линии искусства: с 1935 по 1939 г. — заведующий литературной частью Татарской государственной оперной студии при Московской государственной консерватории, а с 1939 по 1941 г. — заведующий репертуарной частью Татарского театра оперы и балета в Казани (один из организаторов студии и театра).

Образование: высшее (окончил Литературный факультет I МГУ в 1931 г.).

На основе этих данных желательно иметь характеристику и рекомендацию в ПУР, чтобы быть более рационально использованным в армии.

В данное время нахожусь в резерве (адрес: 5-й Донской проезд, ВПУ им. Ленина).

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 16, ед. хр. 616, лл. 1—3.

На письме резолюция: «Включить в список для ПУРКА. Ал. К(арцев). 11.II.42».

¹ Сборник М. Джалиля «Письма из окопа» вышел в Казани в 1944 г.

<28 января 1942 г.>

Уважаемый тов. Фадеев!

На основе договоренности с вами на пленуме¹, ждал вас в ССП, но не дождался: мне сказали, что вы сегодня никого не принимаете.

Я очень прошу вас сделать для меня одно: поговорить обо мне с армейским комиссаром тов. Кузнецовым (Арбат, 1-й Дом НКЮ, Политуправление). Я хотел обязательно лично увидеть вас и яснее обрисовать свое положение и просить у вас совета. Но, видимо, мне скоро не удастся увидеть вас, и поэтому вынужден письменно излагать вам свою просьбу. В первом моем письме я вам рассказывал свое положение: я сейчас нахожусь в резерве ПУР как старший политрук, в ПУРе нет никаких характеристик и рекомендаций обо мне, и я там не фигурирую как писатель. Мой вопрос уже месяц тянется, и, вероятно, я поеду отсюда без всякого назначения на должность с какой-либо произвольной группой из резервов, и когда это решится, мне не известно.

Я уверен, что ваша характеристика и рекомендация меня ПУРу поможет мне скорее получить соответствующее определенное назначение с учетом моей творческо-литературной работы на фронте и использование меня по специальности. Меня в связи с этим очень интересует вопрос о формирующихся национальных частях и о возможности работы там.

Я очень прошу вас, по получении этого письма, поговорить обо мне с ПУРОм и рекомендовать меня на работу по вашему усмотрению (как вы находите целесообразным).

Я постараюсь дозвониться до вас и надеюсь, что услышу о положительных результатах.

С приветом и глубоким уважением

ваш М у с а (Залилов)

28.1.42

ЦГАЛИ, ф. 631, оп. 15, ед. хр. 572, л. 2.

¹ Речь идет о заседании Президиума Правления Союза писателей СССР 26—27 января 1942 г., на котором Фадеев выступил с докладом «Писатели в Великой Отечественной войне».

СТИХИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ В ГАЗЕТЕ 2 УДАРЕНОЙ АРМИИ «ОТВАГА»

ВЕСЕННИЕ РЕЗЕРВЫ ГИТЛЕРА

Гитлер проклинал зиму,
На нее свалил вину.
«Ветром, мол, зима дышала,
Наступать нам помешала». —
Он копил к весне резервы,
Утешал больные нервы.
Наконец, пришла красна
Долгожданная весна.
Только что-то, право, странно
Началась довольно рано:
Только солнце стало печь,
А резерв уж начал течь.
Под лучами нашей красной
Боевой звезды прекрасной
Таёт он, как грязный снег,
Очищая путь весне.

Не резервы это — мразь,
 Мокрый снег, отбросы, грязь.
 Ведь весной всё утекает,
 Что земле дышать мешает...
 Вот, бандит, тебе итог:
 Не спасет тебя ничто—
 Ни зима, ни май, ни лето.
 Песенка твоя пропета!

М. Д ж а л и л ь

№ 434, 19 апреля 1942 г.

КОЧУЮЩИЙ МИНОМЕТ

Тов. Ибрагимов — командир лучшего минометного расчета в подразделении лейтенанта Пехотина. Его миномет приобрел широкую популярность как неуловимый, кочующий с места на место.

Тов. Ибрагимов со своими бойцами целыми часами просиживает в замаскированном укрытии, выслеживая огневые точки противника и скопления вражеских солдат. Минометчики проявляют при этом необычайную терпеливость, наблюдательность, хладнокровие. Заметив цель и точно определив расстояние до нее, они открывают меткий огонь и цель поражают наверняка. Недавно, открыв беглый огонь по скоплению немецких солдат, миномет Ибрагимова уничтожил 11 гитлеровцев, разбил повозку с грузом. Переменив позицию, тов. Ибрагимов с первого выстрела уничтожил огневую точку противника.

Перекочевав на новое место, минометчики внезапным огнем разрушили два сарая, в которых находились огневые точки фашистов, и уничтожили 15 немцев.

«Секрет» боевых успехов Ибрагимова заключается в удачном выборе огневой позиции, в высокой маневренности, тщательной маскировке, отличном знании своих обязанностей и своего оружия каждым номером расчета.

Беседуя с минометчиками о первомайском приказе т. Сталина, командир расчета тов. Ибрагимов сказал: «Если мы будем знать свое оружие в совершенстве, мы достигнем еще большего успеха и ускорим окончательный разгром гитлеровской своры».

Расчет тов. Ибрагимова вызвал на боевое социалистическое соревнование расчет младшего сержанта тов. Стреженко.

Старший политрук М. З а л и л о в

№ 453, 9 мая 1942 г.

КОМАНДИР ПУЛЕМЕТЧИКОВ-ЗЕНИТЧИКОВ

Капитан А. Т. Галин руководит подразделением пулеметчиков-зенитчиков. За отличные результаты стрельбы по вражеским самолетам, за личное мужество и отвагу правительство наградило его орденом «Красной Звезды». Его подразделение за время боев на нашем участке фронта сбило 12 «юнкерсов» и «хейнкелей».

Первый вражеский самолет был сбит самим товарищем Галиным. Тогда его бойцы еще только проходили первую ступень боевой практики. В процессе боев капитан постоянно учил их искусству меткого зенитного огня, прививал качества смелого, находчивого пулеметчика. За короткое время в подразделении капитана Галина выросли такие опытные истребители фашистских стервятников, как Ипатов, Салимов, Драночкин и другие.

Смерть немецким оккупантам!

ОТВАГА

Ежедневная красноармейская газета
№ 461. Воскресенье, 17 мая 1942 г.

Выращиваем умелых истребителей врага

В подразделении старширы лейтенанта Кавалеридзе вышло на вражеского самолета смертельной стрельбой из ракетного оружия. Ни одного самолета вражеской авиации не удалось избежать в районе боевых действий. Командир подразделения лейтенант Кавалеридзе в бою был ранен. Личные и тактические качества старширы и командира подразделения отмечены в приказе, направленном в высшие инстанции.

В подразделении старширы лейтенанта Кавалеридзе вышло на вражеского самолета смертельной стрельбой из ракетного оружия. Ни одного самолета вражеской авиации не удалось избежать в районе боевых действий. Командир подразделения лейтенант Кавалеридзе в бою был ранен. Личные и тактические качества старширы и командира подразделения отмечены в приказе, направленном в высшие инстанции.

Весь обученный экипаж уже не раз выстроился на аэродроме для вылета на боевые задания. Изучая тактику стрельбы из ракетного оружия, старширы и командиры подразделения в бою достигли блестящих успехов.

Весь обученный экипаж уже не раз выстроился на аэродроме для вылета на боевые задания. Изучая тактику стрельбы из ракетного оружия, старширы и командиры подразделения в бою достигли блестящих успехов.

Тот, кто ненавидит немецко-фашистских захватчиков, будет биться с ними бесстрашно, не зная страха, презирая смерть. Тот, кто ненавидит гитлеровцев, никогда, ни при каких обстоятельствах не отдаст им в руки живым. Тот, кто ненавидит немецко-фашистских захватчиков, никогда не отступит без приказа, а будет биться до последнего, хотя бы один против десятка, против двадцати, тот будет рваться вперед и вперед, чтобы навсегда очистить нашу землю от гитлеровской нечисти.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ АРМИИ

9 мая 1942 года № 018-Н Действующая армия

От имени Верховного Совета СССР за образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество **ВЫГРАДИТЬ**

Медалью „За отвагу“

1. Старшего сержанта **БОГДАНОВА** Анатолая Михайловича.
2. Красноармейца **ПЕТЯКА** Якова Ефимовича.
3. Добровольца **КРАЧЕНА** Тимофея Федоровича.
4. Красноармейца **ГЛЕБОВА** Александровича.
5. Сержанта **КАРИУКОВА** Георгия Ивановича.
6. Старшего сержанта **КОБАКИНА** Сергея Феофановича.
7. Сержанта **КУЗЬМЕНА** Юрия Кузьмича.
8. Сержанта **ШОТЕНКОВА** Алексея Евгеньевича.
9. Сержанта **СТЕПАНОВА** Бориса Ильича.

Медалью „За боевые заслуги“

1. Младшего лейтенанта **АРБАНОВА** Сергея Дмитриевича.
2. Красноармейца **ГРАЧЕВА** Якова Ивановича.
3. Старшего лейтенанта **ГРОМОВА** Василия Андреевича.

4. Младшего сержанта **ДОМОГОВА** Федора Прокопьевича.
5. Младшего лейтенанта **КУСОВА** Константина Ивановича.
6. Красноармейца **КУТЯВНИКОВА** Михаила.
7. Красноармейца **МАСЛЕНА** Федора Васильевича.
8. Красноармейца **МАТВЕЕВА** Степана Ивановича.
9. Младший лейтенант **МЕТАКОВА** Виктор Михайлович.
10. Красноармейца **НИСТЕРОВА** Сергея Петровича.
11. Старшего лейтенанта **ОЛЕНКА** Петра Кирилловича.
12. Красноармейца **ПАВЛОВА** Алексея Васильевича.
13. Красноармейца **ПАШЕНКА** Алексея Александровича.
14. Красноармейца **СЫТОВА** Григория Андреевича.
15. Красноармейца **ТОЛСТУХОВА** Алексея Михайловича.
16. Сержанта **УРНАКОВА** Феликса Ивановича.
17. Младшего лейтенанта **ФОРМУЗОВА** Алексея Петровича.
18. Младшего сержанта **ЦЕНКЕЛА** Василия Кузьмича.
19. Старшего сержанта **ЦЕРЯВОВА** Александра Николаевича.

«ОТВАГА»

Газета 2 ударной армии. Волховский фронт, 17 мая 1942 г., № 461

Первая страница (фрагмент)

Тов. Галин рассказывает:

«Успех зенитчиков моего подразделения объясняется прежде всего отличным знанием бойцами своего оружия и приемов стрельбы по вражеским самолетам.

Для достижения наилучших результатов в стрельбе необходимо раньше всего точно определить расстояние до самолета, скорость его полета. Но это еще не всё. Нужно, чтобы наводчики и прицельные умели самостоятельно уточнять и изменять эти данные соответственно движению самолета. Многие зависят также от точного и правильного определения полета самолета. Некоторые зенитчики не умеют ловить вражеский самолет на курсовом параметре, то есть на точке наименьшего приближения. На это надо обратить особое внимание. Мои зенитчики упорно учились этому искусству и добились блестящих успехов.

Важнейшее условие меткой стрельбы по самолетам — сосредоточение огня пулеметов в одной точке. Поэтому я всегда расставляю свои пулеметы треугольником в 50—70 метрах друг от друга. Пулеметы тщательно замаскировываются.

Пулеметчика-зенитчика должна отличать храбрость, отвага. В этом отношении замечателен пример зенитчика тов. Ипатова. Он в одном бою

вступил в единоборство с вражеским самолетом. Фашистский стервятник атаковал Ипатова, поливая его пулеметным огнем. Но это не устрасило геройского пулеметчика. Тов. Ипатов, бесстрашно сражаясь, сбил вражеский самолет».

Капитан Галин со своими храбрецами зорко стоит на боевой вахте, охраняет наши войска от нападения воздушных пиратов.

Старший политрук М. З а л и л о в

№ 454, 10 мая 1942 г.

ХИРУРГИ ОДНОГО МЕДСАНБАТА

Батальонный комиссар Рыженков был доставлен в медсанбат в 3 часа ночи в тяжелом состоянии. Он имел 27 сложных ранений на теле. Главный хирург, военврач 3 ранга тов. С. Казеев, не считаясь с тем, что перед этим не спал подряд две ночи, немедленно приступил к оперированию раненого. Операция длилась 4 часа. Она требовала исключительного умения, необычайного напряжения и большой воли от оперирующего. Положение больного казалось безнадежным. Но тов. Казеев не принадлежит к категории тех людей, которые с первого взгляда теряют надежду и скептически опускают руки. У опытного хирурга, кроме знания дела, есть упорство, дерзание и желание победить смерть. Он проявил все эти качества теперь и спас жизнь батальонному комиссару.

Чуткий, заботливый и преданный своему делу хирург часто выезжает сам на передовую линию фронта для оказания быстрой и квалифицированной помощи раненым. При передвижении медсанбата он отправляется в составе головной бригады и обеспечивает быструю установку палаток и организацию работы по приему больных и оказанию хирургической помощи им на новом месте. Недавно, приехав на новое место, тов. Казеев сумел в течение этого же дня оперировать 50 раненых. Тов. Казеев заботливо вырабатывает молодые кадры хирургов, передает им свой богатый врачебный опыт. Работающие в медсанбате <хирурги> славятся как чуткие и знающие свое дело врачи. Оба они добровольцы Красной Армии. Рубинштейн только в 1941 г. окончил медицинский институт и под руководством тов. Казеева быстро овладел искусством хирурга, самостоятельно производит теперь сложные операции брюшной полости.

Хирурги медсанбата во главе с тов. Казеевым применяют новые методы в лечении больных. Так, например, ими с большим успехом применено гипсование больного, хотя до сих пор этого не было в практике медсанбата.

О работе хирурга тов. Казеев говорит: «Успех дела достигается прежде всего точным соблюдением основных правил гигиены врачебной службы, особенно в наших условиях. Мы проводим у себя тщательную дезинфекцию всех помещений, подвергаем длительной стерилизации инструменты. Наш закон — своевременное оказание помощи больным и тщательный уход за ними до эвакуации. Я сам произвожу сортировку больных, определяя, кому из них надо оказать помощь в первую очередь».

В архиве медсанбата имеется много писем выздоровевших бойцов, которые тепло отзываются о работе врачей.

Вот одно из них — от бойца Бинковского:

«Мне по прибытии в медсанбат сразу была оказана неотложная помощь. Все время наблюдал, как чутко заботятся о раненых врачи. Я очень благодарю врачей за их труд».

Старший политрук М. З а л и л о в

№ 476, 13 июня 1942 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О МУСЕ ДЖАЛИЛЕ ТОВАРИЩЕЙ ПО АРМИИ

Ф. В. ЧЕРЯЧУКИН

Майор. В настоящее время преподаватель истории
93 школы рабочей молодежи г. Москвы

Осенью 1941 г. на курсах среднего политсостава в Марьине я попал в одно отделение с Мусой Джалилем. Мы его любовно называли Мусей. Был он очень опрятен, всегда подтянут. Сапоги, хоть и кирзовые, блестят, подворотничок белоснежный.

Располагались курсы в бывшем дворце князя Барятинского. Большое красивое здание с колоннами. До войны там был дом отдыха.

Курсанты были разные: бывшие секретари райкомов партии, художники, писатели, комсомольские работники. Главное внимание уделялось боевой подготовке, меньше — политической. Работали очень напряженно. Спали по 4 часа в сутки. Часто бывали ночные занятия. Немцы сильно бомбили станцию Колонтаевка, высаживали десанты. Мы не раз выезжали на поимку этих десантников. Особенно большой десант — восемь танков и мотоциклисты — был между Бахмачем и Конотопом. Нас бросили туда на его ликвидацию.

У нас во взводе ежедневно выпускался боевой листок. Редактором был Муса Джалиль. Он помещал в листке свои сатирические стихи, карикатуры. Хорошо рисовал. Боевой листок выпускался каждый день, его читала вся рота. В своих сатирических рисунках и подписях к ним он высмеивал тех, кто при подъеме медленно вставал, кто плохо чистил оружие, терял патроны. Много писалось в листке о боевых стрельбах.

За строевую подготовку часто попадало и самому Мусе Джалилю. Он не мог правильно приветствовать старшего начальника. Мы с ним часами тренировались. Подходили друг к другу и отдавали честь. Он все не мог правильно держать ладонь при приветствии.

Была у нас большая общекурсовая стенная газета, которая выпускалась раз в две недели, вывешивалась в клубе или в столовой. Писал Джалиль статьи и для нее.

В помещении курсов была большая библиотека и целая картинная галерея, оставшаяся еще от князя Барятинского. На центральном месте висела картина «Взятие аула Гуниб». Я как бывший историк рассказывал Джалилю об этом событии, а он рассказал некоторые, не известные мне раньше, детали жизни Шамиля в русском плену.

Однажды мне было поручено выступить с лекцией «Отечественная война 1812 года». Я когда-то до войны при райкоме партии был нештатным лектором и читал эту лекцию. А когда сейчас готовился к лекции, Джалиль мне посоветовал включить материал о роли разных народов России в разгроме Наполеона и сообщил мне очень интересные факты об участии в войне 1812 года башкир, татар и народов Поволжья.

Иногда Джалиль читал нам свои стихи в палатке или когда шли на марше.

Когда пришел приказ менять дислокацию, мы двинулись к железной дороге, но не на Колонтаевку, уже занятую немцами, а на Льгов — своим ходом. Шли в боевом порядке. Мы с Мусой двигались в боевом охранении. Во Льгове погрузились в теплушки, доехали до станции Щигры.

В Щиграх, недалеко от нашей казармы, была речушка и пруд. После занятий мы с Мусой решили постирать гимнастерки в пруду у мельницы. Сидим под мостом, стираем без мыла, а через мост, со стороны станции

Ливны, где уже были бои, идут беженцы. Нам бросилась в глаза одна молодая женщина, которая идет босиком, растрепанная. То плачет, то поет. Просит хлеба. Муса сбегал в казарму, принес ей кусок хлеба. Она подержала, засмеялась, бросила этот хлеб. Мы расспросили тех, что шли с ней, — они рассказали, что у нее во время налетов немецкой авиации на колонну погибли дети.

Муса сказал, что ее нужно в госпиталь поместить или в тыл отправить немедленно. Я стал достирывать гимнастерки и свою и его, а он пошел на станцию, чтобы договориться с военным комендантом. Вечером мы отпросились у старшины, чтобы пойти к коменданту, и узнали, что он, как обещал, посадил ее в эшелон и отправил. Об этой женщине Муса потом написал в статье «Не забудем, не простим» для нашей газеты.

Потом наши курсы были переведены в Татарию. Приехали в Бугульму, и нам предстоял большой марш до Мензелинска — километров 120—150. В первый день сделали 40 километров. Шли с полной боевой выкладкой. Не доходя примерно километр до привала, я выбился из сил. Муса Джалиль взял у меня вещевой мешок, взял меня под руку и помог дойти. В школе, где был привал, Муса привел ко мне санинструктора, который перевязал мне ноги, смазал лекарством. Я отказывался идти есть. Муса принес котелок каши, заставил меня съесть.

В Мензелинске за результаты стрельб из пулемета (Муса был первым номером, я — вторым) мы получили благодарность командира роты.

Из 2000 человек, окончивших курсы, четверо, в том числе Муса Джалиль, окончили на отлично. Всем было присвоено звание «политрук» — три кубика. А через несколько дней из ГлавПУРа передали приказ, что этим четверым присваивается звание старшего политрука.

Стенограмма. Декабрь 1964 г.

В. А. СЕРЕБРЯКОВ

Политработник штаба 2 ударной армии, майор. Ныне доцент Химико-технологического института им. Д. И. Менделеева

С Мусой Джалилем я встретился в Московском университете в 1928 г., и до 1930 г. мы вместе учились: он на литературном отделении, я — на этнологическом. Комсомольская организация у нас была общая. Мы с ним подружились и встречались помимо университета у меня дома, у Кропоткинских ворот. Вместе ходили на выступления Маяковского и комсомольских поэтов Жарова, Уткина, Безыменского. В университете такие выступления обычно шли в большой аудитории, которая теперь называется Ленинской. Ходили часто на выступления поэтов и в Дом печати.

Особенно активное участие принимал Муса в наших морально-этических диспутах. Ко мне, секретарю комсомольской организации этнологического отделения, часто приходили юноши и девушки со своими личными, самыми интимными вопросами. И вот когда происходили всякие драмы, тогда мы несколько дней не ходили на занятия, спорили с утра до вечера у меня в комнате. Я помню, что в этих спорах особенно часто упоминалось имя Чернышевского.

Любили мы попеть. Пели иногда самые разухабистые песни вроде «Сергей поп» и потом новые, которые появлялись: «Матрос Железняк», песня о Чапаеве.

В 1929 г., когда международная обстановка была накалена, особенно событиями на КВЖД, мы были с Джалилем в студенческих военных лагерях на Клязьме, в районе Коврова. В 1930 г. мы с Джалилем расстались, и следующая встреча, совершенно случайная, произошла в конце марта

ПИСЬМО МУСЫ ДЖАЛИЛИЯ К ДОЧЕРИ ЧУЛПАН

Автограф. 24 марта 1942 г.

Музей Революции СССР, Москва

1942 г. в г. Малая Вишера, где после ранения я ожидал нового назначения от Политуправления 2 ударной армии.

Случайно на улице я увидел маленькую фигурку в огромной шинели не офицерской, а солдатской, выдавшей виды. Издали мне показалось, что это мальчик. Когда я подошел, я узнал Джалилия. Я по-студенчески хлопнул его по плечу и спросил: «Как ты сюда попал?»

Он рассказал, что хочет попасть в татарские части, которые, как он слышал, действуют в составе 2 ударной армии. Я ему сразу сказал, что на переднем крае были у нас и татары и узбеки, но специальных национальных формирований там не было. Потом я предложил пойти ко мне, и он у меня жил недели полторы — где-то в угловом доме на улице Володарского и Нижегородской, почти на окраине Малой Вишеры.

Я советовал ему перейти в редакцию газеты «Отвага». Мы отправились в Политуправление фронта и добились назначения Джалилия в эту редакцию. Начальник Политуправления тов. Калашников пошел нам навстречу, и Джалиль получил обещание быть назначенным в редакцию¹.

Джалиль мне много читал стихов по-татарски и переводил их содержание.

В начале апреля Джалиль получил, наконец, приказ о назначении в газету, но больше я его не видел.

Стенограмма. Октябрь 1964 г.

¹ По-видимому, имея в виду этот разговор, М. Джалиль пишет 3 апреля Г. Кашафу: «Вчера уже я получил было назначение на постоянную должность в одной из ударных действующих армий и собирался уже отправиться. Но сегодня опять получил новый приказ выехать в командировку на передовую линию фронта (...) Поэтому назначение откладывается, и я еду в командировку» (М. Джалиль. Сочинения, 1962, стр. 499).

Л. А. МОИСЕЕВ

Заместитель редактора газеты «Отвага». В настоящее время работает в редакции «Учительской газеты»

Л. А. Моисеев познакомился с М. Джалилем в МГУ на литературном факультете. Близко знакомы не были, но иногда встречались, в частности, в общежитии, где жил Джалиль.

Моисеев был заместителем редактора газеты «Отвага», но фактически выполнял функции главного редактора. Редакция «Отваги» формировалась в Москве после 16 октября 1941 г. Старые работники редакции — Б. Бархаш, М. Геллер, Л. Перльмуттер.

«Организация, — рассказывает Моисеев, — шла быстро и анекдотически. На Маросейке вырвал из блокнота листок бумаги — расписался, приляпал печать и получил «эмку» с шофером. В типографии Трансиздата демонтировали печатный станок. Под бомбежкой ехали в Горький, потом на Арзамас, на Алатырь».

В начале апреля, приехав вместе с художником газеты Е. В. Вучетичем и шофером Мачневым в Малую Вишеру за бумагой и продовольствием, Моисеев встретил там Джалиля, который был в резерве Политуправления армии. Джалилю там было скучно, он рвался на фронт. А так как в редакции была свободна должность поэта (Вс. Багрицкий был убит), то Моисеев легко уговорил Джалиля ехать к ним.

Далее Моисеев рассказывает:

«Сразу пошли к начальнику по агитмассовой работе Золотареву. Я говорю ему о том, в каких трудных условиях работаем, в лесу, кадров нет, линия фронта большая. А тут в резерве сидит подходящий человек, поэт, грамотный. Золотарев легко согласился — бери¹.

Поехали. От Малой Вишеры до расположения редакции было километров 100—110. Ехали по шоссе на Спасскую Полесь, до поворота на деревню Новая Кересть. Апрель, подтаивало. Но дорога еще была хорошая. Ехали через деревню Папортное, Селишевские казармы. Стемнело.

Движение было одностороннее: днем — оттуда идут машины пустые, с ранеными. Вечером туда — груженные. Набралась колонна машин в 150 — грузовики с сеном, продовольствием, легковые. Машины стояли ряда по четыре. Начинается обстрел. Лес загорается. Советуемся: что делать? Решаем не ждать очереди, прорваться в голову колонны. Так и делаем. Муса с Вучетичем сидят под брезентом, я иду с белым платком за воротником впереди машины, указывая путь. С матом-перематом продираемся вперед. Объехали ниточку машин, оказались четвертыми в колонне.

Встречное движение прекратилось. У поворота в лес стоит обгорелый танк. Обстрел усиливается. Грузовик с сеном куда-то свернул, полуторка влезла передними колесами в артиллерийскую воронку, просят помочь, а какой там помочь — снаряды рвутся. М-1 с полковником посторонилась — мы поехали вперед.

Добрались до контрольного пункта — и в укрытие. Это место уже простреливалось крупнокалиберным пулеметом (пули, как жуки, жужжат). Я побежал вперед — машина за мной (чтобы не нарваться на канаву). Совсем темно. Снарядом на дорогу свалило осину. Вылезли все. Было два топора. Разрубили, растащили ветки — едем дальше. Сзади обстрел усиливается, машины не идут. Включили (вопреки уставу) фары и дали предельную на этой дороге (километров 60) скорость. Здесь, в лесу, уже тихо.

Не доезжая Новой Керести, встретили еще один контрольно-пропускной пункт. Канонада позади. Речушка. Тихо. Сели в кружок, хватили

по полстакана спирта (разбавляли водой из речки), колбасы. Повеселели, поехали дальше. И когда один крутой обледенелый подъем машина никак не могла взять, все смеялись. На следующий день узнали, что почти все машины из этой колонны были разбиты».

Располагалась в это время редакция на окраине леса, в 3—4 километрах от небольшой (дворов на 20) деревни Огорелье. В редакции была система командировок. Л. Моисеев чаще ходил в командировки с Б. Бархашом — в авиацию, пехоту, артиллерию, медсанбат, в корпус Тугаева. Выпускали газету Моисеев и Кузнецов. Лихачев из «Красного воина» вел военные вопросы.

Вс. Багрицкого убило, когда жили в партизанской землянке у Новой Керести, и там же ранило Кузмичева.

«Вечерами Джалиль вспоминал Москву, университет, говорил про постановку своей оперы в Казани, о ее успехе. Был он молчаливый, маленького роста, душевный.

Писал Джалиль активно и много. Писал стихи и на русском языке. Очень возбужденно рассказывал, вернувшись из очередной командировки, как пришлось на передовой в цепи делать перебежки под обстрелом».

Так как бумаги не хватало, то вскоре газета перешла на две полосы. Моисеев был откомандирован из редакции в середине мая и больше Джалиля не видел.

Запись беседы. Сентябрь 1957 г.

¹ По свидетельству В. А. Серебрякова, у Джалиля уже была договоренность о назначении в редакцию газеты «Отвага».

Н. И. РОДИОНОВ

Корреспондент газеты «Отвага». В настоящее время — редактор студии Союзмультфильм

В штате редакции газеты «Отвага» была должность «поэт». Ее занимал Всеволод Багрицкий. В феврале 1942 г. он был убит на моих глазах осколком.

На его место прислали Джалиля. Он пришел — маленький, в шинели до пят. У него был приятный, гортанный голос. Он встал у меня на партучет. Я вел отдел комсомольской жизни и был парторгом редакции газеты. Мы жили в одной палатке.

Место, на котором закрепилась наша часть, когда наступила весна, оказалось болотом. Артиллерия тонула. То там, то здесь из воды выглядывал ствол орудия. Если посмотреть с самолета — это была ровная стеклянная гладь. Мы валили деревья, укрепляли их рейками, и на это сооружение ставили палатку. Кругом была вода.

Мы голодали. Ели конину. Вялили ее. Потом кончилась соль. Это было страшно — соляной голод. А потом — Муса был инициатор в этом деле — мы стали собирать и пить березовый сок. Он был гораздо практичнее нас всех, интеллигентов.

В общем, мы всё испытали. Трудности были страшные. Боря Бархаш плакал все ночи. Куда ни пойдешь — трупы синие плавают. А немцы по радио (громкоговоритель) кричат каждую ночь: «Сдавайтесь! Сдавайтесь!»

С нами жил в палатке Лазарь Борисович Перльмуттер, кандидат филологических наук.

На задания мы, как правило, так было установлено — ходили вдвоем. Нередко я ходил в паре с Джалилем.

Причем нам, корреспондентам, приходилось куда тяжелее, чем солдатам. Тот, по крайней мере, сидит на одном месте, а ты должен по воде, под

обстрелом делать огромные концы и раздобывать важный, свежий и интересный материал. На задание мы уходили, зная, что можем и не вернуться.

В нашей армии было много татар и вообще бойцов нерусской национальности (казахи, узбеки).

Становилось всё труднее. Мясной бор стал совсем узенький. А нам всё время говорят: нужно спасти город — Ленинград!

Пока мы шли в наступление — было трудно, но хорошо. Многие приезжали, в том числе и А. Чаковский. Потом, когда наступление захлебнулось, дорогу закрыло — тогда сразу никаких представителей.

И вот в это трагическое время пришел Джалиль. Мы читали стихи: кто какие помнит. Багрицкий читал стихи отца — «Думу про Опанаса», я читал Блока. Потом, когда Джалиль пришел к нам, он тоже читал. Что — не помню.

Мы были отрезаны от Большой земли. Сообщение — самолетами. До 1 мая еще надеялись. А потом стало совсем плохо.

Запись беседы. Июль 1957 г.

И. А. ЮЛИН

Шофер редакции газеты «Отвага». В настоящее время — пенсионер

Редакция в январе 1942 г. прошла из Вишеры через Мясной бор и разместилась в бывшей землянке партизан, а ввиду сильного обстрела в марте переехала на опушку леса, где простояла до первых чисел мая.

2—3 мая редакция переехала ближе к Мясному бору, т. е. редакция размещалась в двух километрах от площадки, где наши самолеты сбрасывали продукты для 2 ударной армии.

В начале мая кончался бензин, и приходилось прекращать выпуск газеты. Все работники забегали, как бы достать горючего, но горючего достать не было никакой возможности.

Вот в этот момент к нам из землянки и пришли батальонный комиссар Румянцев и Джалиль, хотели придумать, что можно сделать, чтобы печатать газету. Я уже думал, как бы приспособить вручную печатать, но печатная машина была большая — третий номер, и она занимала весь кузов трехтонной автомашины, и они ушли. Румянцев сказал: «Товарищ Юлин, подумай, что можно сделать». Это было 5—6 мая, а на следующий день я поднял одну сторону трехтонки и приделал деревянную ручку к колесу. Когда вращали за ручку, печатная машина приходит в движение. Иногда проходящие мимо солдаты помогали нам крутить, и они сразу получали за это свежую газету.

Однажды остановилась машина-вездеход, и из машины вылез товарищ с ромбами и спросил, что мы делаем. Мы были совершенно голые, так как было и жарко и сил не было, а газету нужно было выпускать. Мы с шофером Кочетковым остолбенели, прикрылись гимнастерками. Перед нами стоял человек с ромбами, а сколько ромбов — я и не помню. Подали ему газету, показали, что мы делаем, он поблагодарил нас и поехал, и так было жаль, что мы не узнали, кто этот человек.

Числа 20 июня 1942 г. пришел батальонный комиссар Румянцев и приказал мне идти на дровяные поля и подобрать новое место для наших автомашин. Вернувшись, я доложил, что настил весь забит техникой и мы не сможем пробраться на дровяное поле, и рассказал, что сегодня для нашей армии 240 человек принесли сухарей, и когда они переходили Мясной бор, ранили только одного человека, и то легко, но на это мне Румянцев ничего не ответил, ушел в землянку.

Поздно ночью пришли к нам товарищи Румянцев и Кузнецов. Румянцев мне сказал, что мы, семь человек: Кочетков, Мачнев, Володя-печатник, шофер-сибиряк, наборщик (не помню фамилии и имени), печатник Сергей и я останемся здесь, а остальные уходят.

Тов. Румянцев сказал: «За технику отвечаешь ты, тов. Юлин, своей головой и помни слова тов. Сталина, чтобы техника не досталась врагу».

Румянцев меня обнял и сказал, что приказ на войне не обсуждается, и мы со всеми попрощались. Числа 23 июня мы получили крупы по три столовой ложки на человека, по одному сухарю и записку от батальонного комиссара Румянцева. Он писал: «Тов. Юлин, вот что мы смогли для вас сделать. Этот маленький гостинец я посылаю с Володей, приказ остается старый, пришли мой костюм, который я забыл в кабине. С приветом Р у м я н ц е в».

27 июня мы все шрифты высыпали в болото, замяли лопатами, разбили печатную машину, разбили моторы машин, искололи резину, и больше из своих никого не видели.

Письмо от 20 декабря 1957 г.

А. И. ОБЫДЕНА

Сотрудница редакции газеты «Отвага». В настоящее время — пенсионерка

Джалиль появился у нас в белом дубленом полушубке, перепоясанный португеей, с планшетом. Он был очень скромный, тихий и сдержанный человек. Никто не знал (вернее, он никогда никому не говорил) о том, какую большую работу вел до войны.

Мы вместе ходили собирать клюкву, когда снег начал подтаивать. Пили много березового сока, варили на нем пшеничную, очень вкусную кашу.

В конце апреля Муса читал стихи. Моисеев рассказывал о государстве Урарту, читал песнь о Гайавате.

18 мая я была откомандирована в Малую Вишеру, Джалиль провожал меня до узкоколейки. На прощанье он дал мне письмо Фадееву. В начале июня, когда я добралась до Москвы, я опустила письмо в почтовый ящик.

Запись беседы. Сентябрь 1957 г.

Из дневника А. И. Обыденной

29 марта. Вот уже 10 дней, как отрезаны от фронта. Редакция расположена на огневой позиции тяжелой артиллерии.

Голодно. Суп, 300 г хлеба, 30 г мяса. Научилась много чаю пить.

Гибнут жизни.

31 марта. Мы снова перебираемся на новое место. Пока что остановились в лесу, неподалеку от деревни Огорелье...

Вчера прорвалось 60 машин с продовольствием. У Мясного бора немцев отогнали на полтора-два километра.

8 апреля. Что-то на фронте без перемен, за исключением того, что некоторые наши части отошли несколько назад. Вернулись из командировки товарищи и рассказывают, что наши потеряли до 50%.

Под Любанью горы трупов. Видно, фашисты здорово укрепились. Никак не удастся выбить их из Любани.

28 апреля. Деревня Огорелье в 30 км от Любани. Мы всё еще сидим здесь. Снег почти везде стаял. Поют птицы, кричат журавли. Вчера Муса принес маленький букетик весенних цветов. Чудный сиреневый цвет. А как они называются — никто не знает. Джалиль научил добывать березовый сок и мы заняли под него всю посуду. Готовим из него чай, кашу.

А кое-кто, видно, ленится собирать сам и шастает по нашим котелкам. Пришлось повесить объявление: «Осторожно — заминировано».

Тихо и спокойно сегодня — как на даче или в доме отдыха. Даже жутко бывает иногда: какая буря нас ждет в ближайшем будущем? Продукты нам сейчас доставляют, и мы перешли на котловое питание.

29 апреля. Сегодня всю ночь и до полудня шла грозная артиллерийская канонада.

Кто будет участвовать сегодня в концерте — будет есть пирожки с клюквой (пирожки из крошек от черных сухарей). Канонада не затихает. Видно, где-то большое наступление наших. Скорее всего за Мясным бором. Вчера впервые за последние три недели пришла почта и центральные газеты.

Вчера ночью все спали. Я ожидала полосы с машины. Вернулся с передовой Муса Джалиль и зашел к нам в палатку. Тяжелые впечатления отогнали от него сон. Читал мне свои стихи. Вначале по-татарски. А когда я сказала, что звучат они очень мелодично, но непонятно, он тут же начал переводить их на русский язык. Стихи очень нежные, ласковые. В основном лирика. Потом рассказывал о своей жизни, которая в детстве и юности была довольно-таки тяжелой, о любимой дочери Чулпан. Потом коротко рассказал историю своей первой любви, не окончившейся ничем.

Н. М. УСАЧЕВ

Майор, начальник штаба 165 батальона. В настоящее время — начальник металлургического цеха на заводе в г. Ревда Свердловской области

В газете «Отвага» весной 1942 г. была напечатана статья «Как были уничтожены два батальона немцев»¹. Это статья о действиях нашего 165 отдельного батальона. Командир батальона — Гаврилов, я же был начальником штаба этого батальона. По многим дерзким операциям наш батальон был известен всей армии. В те времена наш батальон занимал оборону, седлал шоссе на дорогу Спасская Полесь — Ольховка. Слева мы упирались в болото, а справа нашим соседом был полк, которым командовал подполковник Назиров Бакий Гаттаулович.

В одной из успешных операций, которую завершил наш батальон (это было в конце апреля 1942 г.), к нам пришла группа товарищей из политотдела армии и редакции газеты. Здесь я впервые и познакомился с Мусой Залиловым. Это мне запомнилось потому, что в записной его книжке были отмечены все действия нашего батальона, и он мне сказал, что собирается написать о боевых действиях нашего батальона, и второе — он ко мне обратился на татарском языке. Он ошибся, приняв меня за татарина, и его разубедил мой автоматчик-связной Хузни. Хузни-то и говорил с ним на родном языке, после мы посмеялись.

Кровопролитные ожесточенные бои продолжались, кольцо с каждым днем все сужалось. 20 июня я получил приказ с небольшой горсточкой оставшихся в живых занять оборону на участке вероятного разрыва нашего кольца. С раннего утра 21 и 22 июня мы отразили восемь психических атак немцев. По заявлению пленных немецких офицеров, нами был почти полностью уничтожен полк полевой жандармерии, прибывший из Франции. К концу первой половины дня 22 июня 1942 г. немцы прекратили атаки, а около 4 часов дня ко мне пришли трое — один автоматчик, лейтенант и с ними Муса Залилов. Мы встретились как старые знакомые. Муса детально интересовался этой воистину безмерно храброй операцией, проведенной остатками нашего батальона. Он воочию видел набитых нами немцев. К концу дня я получил приказ занять оборону в районе узко-

колейной дороги, что проходила по дровяному полю, нас сменили при отходе на новую позицию. В нашем старом районе была слышна активная перестрелка. Эту нашу последнюю операцию знают все, кто остался в живых, так как боеприпасами мы снабжались со всего окружения. Мусе Залилову я назвал всех участников-героев по фамилии, их в большинстве я помню и теперь. У Мусы Залилова было желание остаться с нами, так как на нас он возлагал большие надежды, но какие-то обстоятельства не позволили ему выполнить это желание. Обстановку, как он, так и я, понимали отлично.

Мы распрощались с ним, пожелали друг другу всего самого хорошего. Он заверил меня, что если останется в живых, то обязательно напишет о нашем батальоне, для чего он и пришел к нам 22 июня 1942 г.

Больше Мусу Залилова я не встречал и не знал его судьбы².

Письмо от 1 июня 1960 г.

¹ По-видимому, имеется в виду третья полоса газеты «Отвага», № 419 от 5 апреля — здесь дан ряд материалов под общим заголовком «Герои разгрома двух отборных батальонов».

² О встрече с Мусой Джалилем 22 июня 1942 г. в этом же районе узкоколейной дороги рассказывает и А. И. Русских в очерке «Приключение в Мясном бору» (сб. «Муса турында истәлекләр», Казань, Татарское книжное изд-во, 1964, стр. 123—125).